

Михаил Ковалев

**«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ
МЫ РАСТЕМ
И В СВОИХ,
И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»**

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ (1921–1930)¹**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

The article covers the phenomenon of scientific congresses organized by Russian émigré scientists during the 1921–1930 years. These congresses combined Russian academic community abroad, coordinated scholars's activities, regulated system of education and scientific manpower training. The article is devoted to the congresses organized in Prague (1922), Belgrade (1929) and Sofia (1930). A.A.Kizewetter, A.V.Florovsky, A.S.Lomshakov, N.O.Lossky, M.M.Novikov, P.B.Struve and others were members of congresses. Congresses have played a huge role in the development of scientific communication between Russian émigré scientists.

Ключевые слова: Зарубежная Россия; научные съезды; русские академические группы; история науки; Прага; Белград; София.

Key words: Russia Abroad; scientific congresses; Russian academic groups; the history of science; Prague; Belgrade; Sofia.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Окончание. Начало: Россия XXI. 2013. №4.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01251a2 и в рамках гранта Института Георга Эккерта – Института Лейбница (Georg-Eckert-Institut – Leibniz Institut für Internationale Schulbuchforschung).

ВТОРОЙ СЪЕЗД РУССКИХ УЧЕНЫХ

Второй съезд русских академических организаций за границей, прошедший 9–13 октября 1922 года в Праге, продолжил решать организационные вопросы. И вновь эмигрантский научный

конгресс получил значительную поддержку со стороны чехословацких властей, выделивших на его проведение 50 000 крон и предоставивших участникам бесплатные залы заседаний, питание и льготный проезд по железной дороге². Карлов университет, как и в минувшем году, взял на себя покровительство над съездом, а его новый ректор профессор-правовед Кирилл Горачек принял звание Почетного председателя съезда. Именно патронаж со стороны правительства и общественных кругов республики способствовал повторному проведению эмигрантской встречи в Праге.

В работе съезда с правом решающего голоса участвовали представители ряда академических групп³ и Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев⁴. Кроме того, от лица Правления Союза русских академических организаций за границей в нем участвовали А.С.Ломшаков, В.А.Францев, А.А.Копылов, А.А.Вилков, В.Д.Варенов. Почетными членами съезда с решающим голосом стали академики Н.И.Андрусов, Н.П.Кондаков, П.Б.Струве и В.А.Францев. Всего в съезде приняли участие 35 делегатов с правом решающего голоса, причем 15 из них проживали в Праге. В общем числе участники представляли более 500 членов Союза русских академических организаций за границей⁵. Особенностью съезда было то, что его работа широко освещалась Русским телеграфным агентством и бюро печати РУССУНИОН.

² Съезды русских академических организаций за границей. 1-й съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923. С.99.

³ Были представлены академические группы: при I Армейском корпусе в Болгарии (Н.Н.Малышев и Г.И.Ширяев); в Болгарии (И.А.Базанов и В.В.Завьялов); в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Е.В.Аничков); в Бельгии (Л.М.Берлин); в Великобритании (В.Г.Коренчевский); в Париже (А.Н.Анцыферов, А.В.Карташев, Л.И.Кепинов, Н.М.Могилянский и Д.М.Одинец); в Польше (Д.М.Сокольников); в Чехословакии (Г.В.Вернадский, Д.Д.Гримм, И.Д.Жуков, С.В.Завадский, В.И.Исаев, П.И.Новгородцев и А.П.Фан-дер-Флит); в Эстонии (М.А.Курчинский).

⁴ Ал.Д. и Ант.Д. Билимовичи, Н.М.Бубнов, Е.В.Спекторский, В.И.Теребинский, В.В.Фармаковский.

⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.99–100.

Сохранившиеся в Национальном архиве Чешской республики пресс-релизы позволяют восстановить картину заседаний и их итоги. За скухими сообщениями скрывается важная информация, которую трудно почерпнуть из других источников.

Византиновед,
академик Н.П.Кондаков

На правах старейшего члена русского научного сообщества за рубежом заседания открыл академик Н.П.Кондаков⁶. Вслед за ним выступил А.С.Ломшаков, который выразил благодарность чехословацким властям и лично президенту Т.Масарику, премьер-министру Э.Бенешу и заместителю министра иностранных дел В.Гирсе. Слова профессора зал встретил овацией. Затем П.Б.Струве прочитал доклад «Русская наука в русской культуре», посвятив его памяти выдающихся историков М.А.Дьяконова и А.С.Лаппо-Данилевского, безвременно ушедших из жизни (1919) в ужасающих условиях большевистского Петрограда⁷.

На первом собрании был избран Президиум⁸. Работа съезда проходила в общих собраниях и на заседаниях специальных комиссий, избранных для обсуждения докладов и общих вопросов. Всего было создано десять таких комиссий:

- по проверке полномочий членов съезда,
- по рассмотрению отчетов Правления и съезда,
- по рассмотрению вопросов о положении русских студентов,
- по вопросам о положении русских ученых за границей,
- по вопросу о помощи русским ученым за границей,
- по изданию ученых трудов и учебников,
- по вопросам русской средней школы за границей,
- по вопросу об учреждении Русского педагогического института и Курсов общественной гигиены,
- по рассмотрению изменений в Уставе Союза,

⁶ Второй съезд русских ученых // Студенческие годы. Прага, 1922. №3–4. С.20.

⁷ Струве П.Б. Русская наука в русской культуре // Возрождение. Париж, 1926. 7 июня.

⁸ Председатель – Е.В.Спекторский, его заместители – А.Н.Анцыферов, Д.Д.Гримм и П.И.Новгородцев, секретари – Г.В.Вернадский и В.И.Исаев.

- по выработке Положений о государственных испытаниях и экзаменах и защите диссертаций на ученые степени⁹.

Комиссия по улучшению быта студентов наметила ряд конкретных мер. Докладчики подчеркивали, что даже в тех странах, где русская молодежь получает правительственную помощь, ее материальное положение остается тяжелым, незавидным. «Проходя по Белграду мимо строящихся зданий, – говорил профессор Е.В.Спекторский, – я с болью в сердце видел, как со мной раскланиваются чернорабочие, которых отличают от других рабочих только интеллигентные лица, – это мои слушатели»¹⁰. Осознавая важность и сложность этого вопроса, делегаты съезда предложили создать международную организацию по оказанию помощи эмигрантскому студенчеству. В итоге съезд принял Постановление о внедрении студенческой анкеты, о выработке общего плана размещения студентов в разных странах, о срочных мерах по оказанию им материальной помощи, о снабжении студентов учебными пособиями, о создании международного комитета спасения русской молодежи¹¹.

Комиссия по социальной гигиене подчеркнула важность подготовки инструкторов по дезинфекции, дезинсекции, бактериологии, гигиене и санитарной технике на специальных 6-месячных курсах. Базой для таких курсов могли бы стать чехословацкие университетские лаборатории. Проблема эта для эмиграции была в числе острейших, ввиду распространения в послевоенной беженской Европе туберкулеза, инфекционных заболеваний. Инициатива была поддержана дочерью чехословацкого президента Алисой Масариковой, которая выступила на съезде 11 октября и заверила, что будет способствовать выделению средств¹².

На заключительном общем собрании был обновлен состав Правления Союза русских академических организаций за границей. А.С.Ломшаков сохранил пост председателя, а В.А.Францев и А.А.Копылов – его заместителей. Членами правления были избраны Е.В.Спекторский, Д.Д.Гримм, П.Б.Струве, П.И.Новгородцев, С.А.Острогорский. Казначеем и секретарем стали А.А.Вилков и В.И.Исаев соответственно. Все делегаты осознавали и признавали выдающуюся роль А.С.Лом-

⁹ Съезды русских академических организаций за границей. С.101–102.

¹⁰ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест // Národní archiv ČR (далее – NA). F. Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce (далее – MZV–RPA). Kart.329. Inv.č. 186.

¹¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.113.

¹² Там же. С.102.

шакова не только в организации съезда, но и в научной жизни эмиграции вообще. В выступлении на закрытии съезда Е.В.Спекторский говорил, что энергия и отзывчивость профессора являются гарантией того, что работа Союза русских академических организаций за границей, «как бы становящегося русским министерством народного просвещения за границей, находится в твердых и надежных руках»¹³.

В пятый, заключительный день съезда были заслушаны доклады о деятельности академических групп в разных странах Европы: Н.М.Могилянско-го – о Русской академической группе в Париже, Е.В.Спекторского – об Обществе русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Г.И.Ширяева – о Русской академической группе при I Армейском корпусе в Болгарии, П.И.Новгородцева – о Пражской академической группе¹⁴.

В заключительный день съезда для его участников был организован вечер в обществе «Мещанская беседа». Перед гостями выступил К.Крамарж. В речи, проникнутой глубокой любовью к России и верой в нее, он говорил об истории чешской политической мысли и чешско-русских интеллектуальных связях. Затем слово было предоставлено русским профессорам, и перед всеми гостями выступили Е.В.Спекторский, Е.В.Аничков, Н.М.Бубнов, А.В.Карташев¹⁵.

В числе важнейших решений съезда было создание в Праге двух эмигрантских научных учреждений. Первым из них стал Русский педагогический институт имени Я.А.Коменского, о необходимости открытия которого говорил годом раньше С.В.Маракуев. Институт ставил задачей реорганизацию образования в России посредством подготовки высших педагогических кадров, поэтому в ряды слушателей принимались только лица с законченным высшим образованием и педагогическим стажем¹⁶. Во главе института встал профессор С.А.Острогорский, бывший директор курсов имени П.Ф.Лесгафта в Петрограде. Превосходный уровень преподавания обеспечивали отменные специалисты¹⁷. Силами ведущих исследователей преподавался широкий круг гуманитарных дисциплин – славяноведение (В.А.Францев), русская история

¹³ Там же. С.102, 111.

¹⁴ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест.

¹⁵ Вечер в «Мещанской беседе» // NA. MZV-RPA. Kart. 329. Inv. č. 186.

¹⁶ Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Ред.-изд. С.П.Постников. Прага, 1928. С.89–90.

¹⁷ Среди них литературовед А.Л.Бем, философы С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, И.И.Лапшин.

(А.А.Кизеветтер), история педагогики (А.В.Флоровский)¹⁸. Правда, существует Русский педагогический институт недолго. Уже к середине 1920-х годов число школьников в эмиграции уменьшится, а значит, сократится потребность в педагогах. Кроме того, будет постепенно угасать надежда на скорое возвращение на Родину, в обновленную Россию без большевиков. В 1925 году состоится последний прием слушателей, а годом позже Русский педагогический институт будет закрыт¹⁹.

Вторым учреждением, созданным по итогам съезда и при активном лоббировании со стороны А.С.Ломшакова, стал научно-исследовательский Русский институт в Праге. Делегаты обсудили и одобрили план его работы. Однако Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии (Земгор), через который в начале 1920-х годов осуществлялось финансирование эмиграции, не желал помогать детищу профессора Ломшакова. Контролировавшие Земгор эсеры имели хорошие отношения с Министерством иностранных дел Чехословакии, чтобы убедить чиновников, что они (эсеры) сами должны взять на себя ведущую роль в изучении России и тем самым добиться исключительного финансирования своих исследовательских проектов. Но профессор, имевший обширные связи в чешских научных и политических кругах, сумел получить необходимые для организации института средства из неправительственных источников²⁰.

Правовед П.И.Новгородцев объяснил необходимость открытия Русского института именно в Праге культурной близостью русского и чешского народов: «Мы, русские, живо чувствуем наше глубокое отличие от чехов, но в то же время мы ощущаем и какую-то родственную близость к ним, какую-то кровную связь с ними. И, живя здесь, мы знаем, как любят и ценят здесь русскую музыку, русскую поэзию, русскую

¹⁸ Учебный план Русского педагогического института // Архив Российской Академии наук. Ф.1609. Оп.1. Д.227. Л.1–2; Учебный план Русского педагогического института // НА. F. MZV–RPA. Kart. 111. Inv. č. 84; Список преподавателей Русского педагогического института имени Яна Амоса Коменского // Ibid. Kart. 112. Inv. č. 84; Русские в Праге. С.89; Ковалев М.В. Антоний Васильевич Флоровский и Русский педагогический институт в Праге // Экология: синтез естественнонаучного, технического и гуманитарного знания: Материалы всероссийского форума. Саратов, 2013. Вып.3. (в печати).

¹⁹ В Русском педагогическом институте // Руль. Берлин, 1924. №1187; Русские в Праге. С.90; Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; L., 2004. P.100.

²⁰ Andreyev C., Savický I. Op. cit. P.102.

мысль и как от всего сердца хотят блага и счастья России. Мы знаем, что наш голос не будет здесь гласом вопиющего в пустыне»²¹. Причем П.И.Новгородцев верил, что в будущем подобные институты могут возникнуть и в других странах мира.

В Положении об институте говорилось: «Русский институт в Праге учреждается Союзом Русских Академических Организаций за границей в целях утверждения и развития русской культуры вообще и, в частности, русской науки. Русский Институт в Праге имеет также своей задачей сближение России с Чехословакией и распространение сведений о России, русской культуре и результатах текущей работы русских ученых, писателей и представителей всех областей знания и искусства»²². К функциям института было отнесено осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов исследований. Второе – предполагало устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории, которые могли читаться на одном из двух языков²³. Отличительной чертой института от иных организаций, возникших при участии эмигрантов, было его изначальное подчинение чехословацким властям. Правительственные круги рассматривали его как важный аналитический и консультативный центр. В личном фонде выдающегося геолога Радима Кеттнера в Архиве Академии наук Чешской республики сохранилась небольшая записка, четко и ясно очерчивающая эти стратегические задачи, исходя из представлений о неразрывной связи России и славянства. Среди них, помимо знакомства чехословацкого общества с духовной и материальной культурой русского народа, обозначены выгоды торгово-промышленного сотрудничества (Россия рассматривается как крупнейший рынок сбыта чешских товаров), а также место республики в качестве экономического посредника между Россией и Западной Европой²⁴.

²¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.118.

²² Положение о Русском Институте в Праге // Literární archiv Památníku národního písemnictví. F. Francev V.A. 2/E/1. Russkij institut.

²³ См.: Ковалев М.В. Русский институт в Праге в контексте российско-чешских интеллектуальных связей 1920–1930-х гг. // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л.Бабка, И.Золотарев. Прага, 2012. С.141–150; Его же. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С.180–186.

²⁴ Ruský institut v Praze // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Radim Kettner. Sign.IV. Kart.51. Inv.č. 2712.

Анализируя стратегию развития эмигрантской науки, обсуждаемую на съезде, нельзя обойти стороной вопрос о создании русского научного журнала за границей и организации специального издательства на кооперативных началах. Идея эта, впрочем, из-за недостатка финансов так и осталась нереализованной. Делегаты в очередной раз подтвердили необходимость активных контактов с международными научными организациями, например, Международным университетом в Брюсселе, Международной конфедерацией интеллигентных тружеников и др. Союзу русских академических организаций за границей надлежало представлять интересы русской науки и ученых перед ними.

Важность патронажа со стороны иностранных правительств, организаций и отдельных филантропов осознавалась всеми эмигрантами. Именно поэтому в заключительной речи Е.В.Спекторский благодарил чехословацкое правительство и народ республики, особенно К.Крамаржа, «в груди которого бьется сердце более русское, чем у иных русских по крови». Благодарили и югославского «короля-рыцаря» Александра I, и «Великую Северо-Американскую Республику, о которой еще Герцен писал, что именно ей суждено быть в тесной связи с Россией», и благородную светскую и духовную бельгийскую интеллигенцию с кардиналом Ж.-Д.Мерсье во главе, и «подлинных друзей России» во Франции²⁵. Важнейшим решением съезда, безусловно, стало окончательное принятие Правил о присвоении ученых степеней и защите диссертаций, разработка которых началась еще в 1921 году²⁶.

Все эти действия имели большое значение для развития русской науки в изгнании. «Своеобразное и, как казалось в прошлом году, лишь временное насаждение русской академической жизни в иностранной обстановке приобретает, как выяснилось на съезде, более длительный и планомерный характер, и, несомненно, оно не замрет даже и тогда, когда наступит желанный момент нашего возвращения в освобожденную

Правовед,
профессор Е.В.Спекторский

²⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.115–116.

²⁶ Второй съезд русских ученых. С.22.

от ига большевиков Россию», – заявил в интервью РУССУНИОНу председатель съезда Е.В.Спекторский.

Если первый съезд Русских академических организаций за границей был посвящен общим вопросам, то второй съезд решал уже конкретные проблемы, отказавшись, по сути, от широких деклараций. Его делегаты официально признали Прагу интеллектуальным центром Зарубежной России, «Меккой для русской интеллигенции, не приемлющей большевизма». В отчете о съезде говорилось, что русские ученые приветствуют «древнюю чешскую столицу, Золотую Прагу, одно имя которой уже таит в себе нечто бесконечно обаятельное и чарующее для каждого сознательно мыслящего и чувствующего русского славянина»²⁷.

И ВНОВЬ «ДОСТОСЛАВНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПРАГА»

В январе 1924 г. началась подготовка Третьего съезда русских академических организаций за границей, работу которого смогли организовать только к осени²⁸. Его заседания прошли в

Праге с 25 сентября по 2 октября 1924 года. И вновь русские ученые не смогли обойтись без поддержки со стороны республиканских и городских властей. В телеграмме приматору (мэру) Праги доктору К.Баксе профессор А.С.Ломшаков благодарил его от имени «русских профессоров, встретившихся в достославной славянской Праге»²⁹. Официальное открытие съезда состоялось 25 сентября в актовом зале Минералогического института (Албертов, 6), который часто использовался эмигрантами для проведения своих мероприятий. Секционные заседания проходили в Зоологическом институте Карлова университета (У Карлова, 3)³⁰.

Съезд был посвящен памяти двух скончавшихся накануне ученых – профессора П.И.Новгородцева и академика Н.И.Андрусова. Поэтому речи в их память прозвучали на торжественном открытии сразу после выступления В.А.Францева (на чешском языке) о научных связях между

²⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С.111, 115.

²⁸ Третий съезд русских академических организаций за границей // Огни. Прага, 1924. 28 января. №4.

²⁹ Telegram. Primátor měst pražských doctor Baxa. 25. září 1924 // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I (далее – АНМР. F. Magistrát). Sign.15/153. Inv.č. 2285.

³⁰ Расписание занятий научных секций III-го съезда русских ученых в Праге // АНМР. F. Magistrát. Sign.15/153. Inv.č. 2285.

Россией и зарубежным славянством. На пленарном заседании был также заслушан обстоятельный доклад Г.В.Вернадского «О значении научных трудов академика Н.П.Кондакова»³¹. Сам знаменитый археолог выступил с программным сообщением «Научная постановка изучения истории Восточной Европы». Для академика съезд стал последним в жизни научным мероприятием. Вскоре он ушел из жизни.

Характерной чертой съезда стало преобладание научной стороны над организационной. Предыдущие два съезда даже не ставили своей задачей проведение научных заседаний. Однако уже на Втором съезде представители Русской академической группы в Париже высказали предложение в будущем приурочивать к рабочим, сугубо деловым встречам исследовательские доклады, что и было воплощено в жизнь в 1924 году³². Таким образом, Третий съезд Союза русских академических организаций за границей стал первым, на котором работали тематические секции: юридических и экономических наук, философских и историко-филологических наук, естественных наук и медицины, чистой и прикладной математики и технических знаний. Кроме того, из первой секции были выделены экономическая и юридическая подсекции, из второй – словесная и философская, из третьей – медицинская. Можно сделать вывод, что бытующее порой в историографии представление о Третьем съезде как организационном неверно. Эта точка зрения сформировалась из-за того, что его материалы не были изданы, хотя участники думали о публикации. Предполагаемое издание должно было составить 50 печатных листов, причем 40 из них отводилось текстам докладов (максимальный объем 10 000 знаков каждый), а 10 – прениям по ним³³.

Выдающийся геолог,
академик Н.И.Андрусов

³¹ Там же; Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П.Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844 – 1.XI – 1924. Прага, 1924.

³² Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929. С.4.

³³ Постановления съезда русских ученых // Руль. Берлин, 1924. 5 октября. №1168.

Состав участников Третьего съезда был очень сильным в научном плане³⁴. Ими было сделано более 150 научных сообщений, распределенных следующим образом по секциям:

- наук юридических и экономических – 46,
- наук философских и историко-филологических – 32,
- наук естественных и медицины – 57,
- математики чистой и прикладной и технических знаний – 23.

Однако приведенную статистику следует рассматривать с определенной условностью. Дело в том, что съезд отличала междисциплинарность и высокая степень взаимодействия разных областей знания. По этой причине проводились объединенные заседания. Например, 29 сентября – 1 октября состоялось совместное заседание секции наук юридических и экономических и секции наук философских и историко-филологических³⁵.

Некоторые ученые делали сразу несколько докладов в одной секции, как, например, метеоролог В.П.Полетика³⁶, ботаник В.С.Ильин³⁷, механик А.П.Фан-дер-Флит³⁸ и др. Секция наук философских и историко-филологических оказалась едва ли не самой представительной, что обеспечивалось присутствием в ее рядах знаменитых ученых. Прозвучавшие доклады хорошо иллюстрировали круг научных пристрастий русских историков за рубежом. А.А.Кизеветтер описывал, сколь большой интерес аудитории вызвали выступления П.М.Бицилли об истории раннего христианства, новых направлениях в изучении Ренессанса и

³⁴ Присутствовали историки П.М.Бицилли, Г.В.Вернадский, А.А.Кизеветтер, А.В.Флоровский, Е.Ф.Шмурло; правоведы Н.Н.Алексеев, Е.В.Спекторский, Н.С.Тимашев; философы И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Б.В.Яковенко; биологи В.В.Лепешкин, С.И.Метальников, М.М.Новиков; математики и механики Е.Л.Буницкий, Н.Е.Подтягин, А.П.Фан-дер-Флит; инженеры А.С.Ломшаков, Г.Н.Пио-Ульский; и др.

³⁵ С докладами выступили видные историки А.А.Кизеветтер, В.В.Саханев, И.А.Стратонов, П.Б.Струве, Ф.В.Тарановский, М.В.Шахматов, М.Н.Ясинский.

³⁶ «Климат высот Крыма», «Пути развития русской метеорологии», «Метеорологические условия засух и голодные бедствия».

³⁷ «Влияние солей на изменение осмотического давления растительной клетки», «Роль солей в усвоении углеводов растений», «Солеустойчивость растений и ее причины», «Физиологическая характеристика засухоустойчивых растений».

³⁸ «Об изгибе балки с одною консолью со сжатием в пролете», «О неправильности практикуемого вычисления трения воды о поверхность судна и следствиях этой неправильности», «О формулах для вычисления прироста деревьев».

критике учения О.Шпенглера³⁹. Проблемам всеобщей истории были также посвящены сообщения Н.М.Бубнова, Д.Н.Вергуна, М.Н.Ясинского. Но большая часть докладов⁴⁰ касалась русской истории⁴¹.

В целом, тематика всех выступлений на съезде хорошо обрисовывала круг вопросов, имевших для эмиграции не только научную, но и общественную значимость. Например, на секции юридических и экономических наук были заслушаны доклады В.А.Косинского (о пределах интенсивности капиталистического сельского хозяйства), П.И.Рудченко (о современном финансовом положении ведущих государств мира), Я.Д.Садовского (о земельной реформе в Чехословакии), А.Ю.Вернера (о систематике рабочего законодательства), А.А.Овчинникова (об инфляции в Германии) и т.д. Интересно, что значительное число докладов касалось разных сторон развития Советской России⁴².

Другой особенностью съезда стала впервые организованная в условиях эмиграции публичная защита диссертации согласно Правилам, выработанным на предыдущих двух съездах. 3 октября в Большой аудитории Минералогического института преподаватель Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге И.В.Емельянов представил работу «Кооперативные организации среди земледельцев» на соискание ученой степени магистра агрономии. Защита прошла успешно, и соискатель был утвержден в искомой степени.

О конкретных итогах съезда судить крайне сложно ввиду незначительного числа сохранившихся источников. После его окончания новые встречи ученых-эмигрантов несколько лет не организовывались, что было связано в первую очередь с материальными трудностями. В этих условиях, как отметила екатеринбургская исследовательница В.И.Цепилова, основная работа легла на Правление, регулярно соби-

³⁹ Кизеветтер А.А. *Историческая наука на съезде в Праге* // *Речь*. Берлин, 1924. №1175. 14 октября. – П.М.Бицилли отрицал шпенглеровское понимание культуры и цивилизации как сменяющих друг друга стадий и доказывал тождественность этих понятий.

⁴⁰ Среди их авторов были А.В.Флоровский, И.И.Ланно, Е.Ф.Шмурло, П.Б.Струве, М.В.Шахматов, В.Ф.Тарановский, В.В.Саханев, И.А.Стратонов, А.А.Кизеветтер, В.А.Мякотин, А.Ф.Изюмов, Н.М.Могиланский и др.

⁴¹ Кизеветтер А.А. *Историческая наука на съезде в Праге*.

⁴² Например, сообщения о предварительных итогах изучения советского права (Н.С.Тимашев); о денежной реформе в СССР в 1924 г. (Н.С.Жекулин); об изучении производительных сил России в 1914–1924 гг. (П.Н.Савицкий); о состоянии архивов в СССР (А.Ф.Изюмов); о положении музеев после революции (Н.М.Могиланский) и т.д.

равшееся на сессии. Оно решало все главные задачи, в том числе утверждение результатов защиты диссертаций⁴³.

ВСТРЕЧА В БЕЛГРАДЕ

Четвертый съезд Союза Русских академических организаций состоялся в сентябре 1928 года в Белграде. О проведении его в югославянской столице говорили еще с начала 1920-х годов,

желая тем самым отдать дань уважения Королевству сербов, хорватов и словенцев за поддержку русской эмиграции. К тому же «Русская акция» чехословацкого правительства уже завершилась, и взоры эмигрантов устремились в сторону югославского короля Александра. Они надеялись увидеть в нем нового патрона и щедрого покровителя. Съезд в Белграде должен был служить символом единения сербов и русских и выражением признательности Королевству.

Участники Белградского съезда 1928 г. (Архив РАН. Ф.1609. Оп.1. Д.199)

Организационные функции взяло на себя Общество русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, которое весной 1928 г.

⁴³ Цепилова В.И. *Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.)*. Екатеринбург, 2005. С. 70–71.

созвало комитет по подготовке съезда. Его председателем стал профессор Е.В.Спекторский, секретарем – А.В.Соловьев, казначеем – Н.Н.Салтыков, членами – Ант.Д.Билимович, В.С.Жардецкий, С.М.Кульбакин, В.Д.Ласкарев, Г.Н.Пио-Ульский и Ф.В.Тарановский. На группу под начальством Ю.Н.Вагнера возложили обязанность по подготовке научных секций⁴⁴.

Если первые три съезда щедро финансировало чехословацкое правительство, то теперь его место заняли сербские деятели. Большую поддержку оказали власти и общественные круги Королевства, например епископ Нишский Досифей, министр просвещения Милан Грол, ректор Белградского университета Чедомил Митрович, глава Сербской академии наук А.Белич. Державная (государственная. – М.К.) комиссия по оказанию помощи русским беженцам и МИД оказали материальную помощь съезду. Русским делегатам, как когда-то в Чехословакии, был предоставлен льготный проезд по железным дорогам. Власти Белграда присовокупили к нему бесплатный проезд в городских трамваях. Белградский университет выделил аудитории для заседаний, а ряд столичных организаций дал русским делегатам бесплатное жилье⁴⁵.

Открытие съезда состоялось 16 сентября 1928 года в Большой физической аудитории Белградского университета в присутствии многочисленных высокопоставленных гостей. Заседание открыл ректор Ч.Митрович. Затем, по предложению Е.Л.Зубашева, председателем съезда единогласно был избран бывший профессор Военно-медицинской академии в Петрограде В.Г.Коренчевский. поприветствовав участников и гостей на сербском и французском языках, он произнес речь, обращенную к интеллектуалам, оставшимся в СССР: «Ученые – мозг страны. Жутко быть мозгом страны. Для русских в страшные времена революции – это бремя непосильной тяжести... Мы раскололись на две части: большую, задавленную террором и совершенно лишенную основного элемента науки – свободы в исповедовании науки и ее идей, и другую – меньшую, эмигрантскую, более слабую, но свободную... К вам несется наша любовь, привет и преклонение перед мученическим служением родной науке. К вам, которые отказались оправдать авторитетом науки и ученого то страшное и нелепое, что большевики творят в России и с Россией. Мы с вами – одно. Мы знаем, что наша любовь и привет донесутся до вас, ибо ни далеким пространством,

⁴⁴ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.4–5.

⁴⁵ Там же. С.5.

ни тюрьмой и мучениями – ничем нельзя остановить свободы слова и духа. Дух дышит, где хочет»⁴⁶. В этих обстоятельствах, по словам профессора, на ученых в эмиграции ложится особое бремя по бережному сохранению научных традиций и культуры. Закономерно, что во время съезда в Белграде состоялось торжественное открытие Русского научного института (под председательством Е.В.Спекторского), который должен был стать одним из ведущих эмигрантских исследовательских учреждений.

Русские ученые встретили необычайно теплый прием: многие белградские дома были украшены российскими флагами, сербы устраивали банкеты в честь русских, их принял сербский патриарх. Поначалу участников съезда поселили в студенческом общежитии. Но уже на следующий день владелец одного белградского отеля, из чувства уважения к русской науке, предложил безвозмездно поселиться у него семи профессорах, среди которых были и прибывшие из Праги А.А.Кизеветтер и Е.Ф.Шмурло⁴⁷. Русских участников приглашали на концерты и чаепития, власти Белграда устроили для них банкет в гостинице «Сербский король», в Народном театре для них играли «Народных посланников» Б.Нушича, министр народного просвещения принял их в зале «Касина», в честь них дали концерт камерной музыки в зале «Эксельсиор». В отчете о съезде оставалось лишь констатировать, что «чествование членов съезда сербскими общественными организациями носило исключительно сердечный характер и вылилось во внушительную славянскую манифестацию»⁴⁸. Кизеветтер описывал, как во время экскурсии в Нови Сад ему и его коллегам оказывали прием как «путешествующим принцам», местные жители осыпали их цветами, «простые женщины, очень похожие на наших деревенских баб, жадно впились в нас глазами»⁴⁹.

За ходом съезда следил и король. В ответ на приветственную благодарственную телеграмму от русских ученых он написал: «Приятно тронут приветствием съезда русских ученых. Сердечно благодарю и желаю успеха в полезной работе. Александр»⁵⁰. 22 сентября король встретился

⁴⁶ Там же. С.6–7.

⁴⁷ Письмо А.А.Кизеветтера родным от 16 сентября 1928 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.13 об.–14 об.

⁴⁸ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.12.

⁴⁹ Письмо А.А.Кизеветтера родным, сентябрь 1928 г. // ОР РГБ. Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.17–17 об.

⁵⁰ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.8.

с делегацией съезда⁵¹. В тот же день особой аудиенции был удостоен А.С.Ломшаков. Двенадцати русским профессорам были присвоены сербские ордена Святого Саввы второй⁵² и третьей⁵³ степеней⁵⁴.

По подсчетам В.И.Цепиловой, на съезде было представлено 11 академических групп из 14 существовавших. Вместе с ними прибыли 10 ученых, которые не являлись официальными делегатами, но могли участвовать в научных дискуссиях. В их числе были историки Б.А.Евреинов, С.П.Мельгунов, Н.Л.Окунев, С.Г.Сватиков и др. В составе съезда были созданы научные секции:

- общественно-экономическая (председатель – Ал.Д.Билимович),
- историко-юридическая (Ф.В.Тарановский),
- юридическая (А.В.Маклецов),
- истории литературы и искусства (А.Л.Погодин),
- биологическая (Ю.Н.Вагнер),
- агрономическая (И.П.Марков),
- историческая (А.П.Добротворский),
- филологическая (С.М.Кульбакин),
- физико-химическая (Н.А.Пушин),
- философская (И.М.Малинин),
- медицинская (А.И.Игнатьев),
- технологическая (Г.Н.Пио-Ульский),
- геологическая (В.Д.Ласкарев),
- математическая (Н.Н.Салтыков)⁵⁵.

Русские ученые прочитали 158 докладов. Правда, некоторые исследователи делали по 2–3 сообщения. Среди участников было немало выдающихся представителей эмигрантской науки⁵⁶.

⁵¹ В.Г.Коренчевский, С.И.Метальников, С.В.Завадский, Е.В.Спекторский, П.А.Остроухов, А.В.Соловьев.

⁵² В.Г.Коренчевский, А.С.Ломшаков, Е.Л.Зубашев, А.А.Кизеветтер, П.Б.Струве, Е.В.Спекторский.

⁵³ В.К.Агафонов, А.Н.Анцыферов, С.В.Завадский, И.И.Лаппо, Н.О.Лосский, Е.Ф.Шмурло.

⁵⁴ Письмо А.А.Кизеветтера родным, сентябрь 1928 г. Л.17; Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С.11.

⁵⁵ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.27.

⁵⁶ В.К.Агафонов, М.В.Бернацкий, П.М.Бицилли, А.А.Кизеветтер, В.Г.Коренчевский, Н.О.Лосский, С.П.Мельгунов, П.Ф.Миловидов, М.М.Новиков, Д.П.Рябушинский, П.Б.Струве, С.П.Тимошенко, А.В.Флоровский, Е.Ф.Шмурло и другие (См.: Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.27–34).

Если же говорить о круге рассматриваемых вопросов, то следует отметить принятие новых редакций Устава Союза русских академических организаций за границей, а также Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях. Кроме того, были утверждены ученые степени Н.И.Никифорова (магистр всеобщей истории), А.П.Маркова (магистр финансового права) и Г.И.Ширяева (магистр ботаники). Большой резонанс имело предложение А.В.Маклецова о составлении библиографии трудов русских ученых-эмигрантов. Эта идея получила одобрение, и уже в 1931 году при участии Русского научного института в Белграде был издан первый выпуск «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом», по сей день остающихся бесценным справочным пособием⁵⁷.

Административные вопросы на съезде рассматривались в специальных комиссиях:

- по пересмотру Устава Союза и Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях,
- по рассмотрению отчета Правления Союза,
- по утверждению в ученых степенях,
- по вопросу о деловом объединении эмиграции,
- по студенческим делам,
- по вопросу о точной квалификации полноправных членов академических групп,
- по рассмотрению проекта Положения о кассе взаимопомощи,
- по делам средней школы,
- по проверке полномочий делегатов и ревизионная комиссия.

В итоге, на заседаниях было решено немало серьезных вопросов и принято немало важных предложений. Например, съезд выразил желание организовать исследования по военным наукам на базе Русского научного института в Белграде. Было обсуждено текущее положение русских научных учреждений за рубежом. Съезд сожалел о прекращении набора студентов на Русский юридический факультет в Праге, свидетельствующем наглядно об угасании русского учебного дела за рубежом. Делегаты обратились к Чешской академии наук и искусств с просьбой поддержать Русскую зоологическую станцию в Вильфранш-

⁵⁷ *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Белград, 1931. Вып.1. – Следующий выпуск увидит свет в 1941 году и станет последним (То же. Белград, 1941. Вып.2. Ч.1).*

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

сюр-Мер путем дальнейшей аренды рабочих мест на ней. Они желали способствовать тому, чтобы такая же аренда практиковалась со стороны Польши, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Эстонии, Латвии и Литвы. Кроме того, русские выразили готовность обратиться с просьбой о субсидиях к американцам⁵⁸.

Очевидно, что Четвертый съезд русских академических организаций за границей ориентировался на традиции первых трех съездов. Но думается, что делегаты уже осознавали невозможность решения многих проблем эмигрантской академической жизни, тем более на волне нараставшего экономического кризиса и общего сокращения русского учебного и научного дела за рубежом. Лучшим памятником съезду стало издание прочитанных докладов и сообщений, значительная часть которых по сей день сохраняет свою значимость⁵⁹.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

Последний, Пятый съезд Русских академических организаций за границей прошел в 1930 году в Софии. Решение о его проведении в этом городе было принято еще на белградском съезде,

когда делегаты единодушно высказались за Болгарию, как «славянскую державу, наиболее из всех остальных связанную с нашей родиной посредством и религиозных, и культурных, и кровных уз»⁶⁰.

Число участников софийского съезда значительно сократилось по сравнению с предыдущими. Это было вызвано в первую очередь резким ухудшением материального положения русских за рубежом на фоне разразившегося мирового экономического кризиса и сворачивания программ поддержки эмигрантов. Состав делегатов до последнего момента корректировался. Однако большинство из них все же смогло приехать. В Государственном архиве Софии сохранился список участников со следами корректировок. Согласно ему, из намеченных изначально

⁵⁸ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.18; Ульянкина Т.И. Русская акция помощи и судьба Русской зоологической станции имени профессора А.А.Коротнева в Вильфранси-сюр-Мер (1921–1935) // Русская акция помощи в Чехословакии... С.151–162.

⁵⁹ Труды IV Съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч.1–2.

⁶⁰ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. // Държавен архив – София (далее – ДА-София). Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.9 гр.

102 исследователей участие в съезде приняло 93 человека, причем подавляющее число было не из Болгарии⁶¹.

В болгарских архивах сохранилось немало интересных документов, рассказывающих о подготовке съезда. Она началась еще летом 1930 г., когда был образован Оргкомитет во главе с жившим в Софии бывшим протопресвитером русской армии Г.И.Шавельским. Он сразу обратился за поддержкой к болгарским властям и ученым. В письме к выдающемуся болгарскому профессору историку Василию Златарскому он писал: «Вам, как питомцу Русской высшей школы, несомненно, приятно будет встретиться на родной земле с многими славными представителями Русской науки, а как ученому не менее приятно будет принять живое участие в научных занятиях Съезда. Организационный Комитет, свидетельствуя Вам свое совершенное почтение, позволяет себе надеяться, что Вы не откажете в своем благосклонном внимании созываемому Съезду и сделаете все возможное, чтобы этот Съезд прошел с наилучшим успехом и еще более укрепил узы, связывающие Русский и Болгарский народы, Русскую и Болгарскую культуры»⁶².

Болгарский историк,
профессор В.Златарский

Всем устроителям съезда было понятно, что без внешней помощи не обойтись. В июле 1930 г. Оргкомитет направил кмету (мэру) Софии В.Вазову письмо. Его авторы сообщали, что среди русских эмигрантов, разнесенных по всему свету, имеется несколько сотен ученых. Все они, живя на чужбине, стремились к профессиональному объединению и в итоге договорились о создании академических групп. К 1930 году в разных странах мира насчитывалось 15 таких групп, численность некоторых из них доходила до ста человек. Их членов объединяла «непоколебимая верность началам, на которых развивается наука во всех цивилизованных странах», и «академическим традициям»⁶³. Говорилось, что

⁶¹ Список членов съезда // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.3–6.

⁶² Письмо Г.И.Шавельского В.Златарскому от 15 июня 1930 г. // Научен архив на Българска академия на науките (далее – НА БАН). Ф.9 к. Оп.2893. Л.1–1 гр.

⁶³ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. Л.9.

ные коммуникации между членами всех групп осуществляются на регулярных академических съездах, которые изначально хотели проводить каждые два года. Подчеркивалось, что чехословацкие и югославские власти оказали предыдущим съездам щедрую финансовую поддержку, и, по сути, авторы письма призывали теперь к тому же болгарскую сторону.

В сентябре 1930 года с аналогичной просьбой к городским властям обратился Комитет русских воспитанников в Болгарии. Он был создан специально для помощи в организации съезда и включил видных болгарских ученых – В.Златарского, П.Стоянова и Т.Кулева⁶⁴. В официальном письме говорилось, что поддержку съезду уже готова оказать Болгарская академия наук и правительство страны. Авторы письма просили помочь с организацией приема высоких гостей. Они сообщали, что на банкете в честь открытия съезда выступит министр просвещения, что 20 и 21 сентября будут даны торжественные представления в Национальном театре, что 18 сентября русские станут гостями Священного Синода в Рильском монастыре. Таким образом, софийским городским властям останется для организации приема три дня – с 15 по 17 сентября. Авторы призывали дать возможность русским ученым во время их пребывания в Софии «близко, непосредственно и по-родственному соприкоснуться с гражданами и народом, увидеть, почувствовать и убедиться в искренней и широкой благодарности, искренности и родственности, которые имеют болгарские граждане и болгарский народ к России и русским»⁶⁵.

В конечном счете, Постоянное присутствие при Столичном общинном совете 9 сентября 1930 г. рассмотрело все ходатайства русских. Докладчиком выступил сам софийский кмет В.Вазов, который зачитал письменные обращения эмигрантских организаций. Судя по сохранившемуся в архиве протоколу заседания, никаких возражений по поводу оказания посильной помощи не возникло. В итоге городские власти приняли решение выделить 3 000 левов на покупку ста трамвайных билетов для раздачи их делегатам и организовать банкет в честь участ-

⁶⁴ Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения – 2007. СПб., 2008. С.290.

⁶⁵ До Господин Кмета на ст. София, 5 септември 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.7.

ников съезда. Контроль за исполнением поручений был возложен на помощников кмета И.Дечева и Г.Русчуклиева⁶⁶.

Как и в 1928 году в Белграде, русским ученым в Софии был оказан радужный прием. Поддержку съезду оказали болгарское правительство и мэрия Софии, Болгарская академия наук и другие общественные, политические и научные организации⁶⁷. Открытие съезда состоялось в Народном театре в присутствии болгарских научных и культурных деятелей, например, епископа Софийского Стефана. Почетный президиум съезда возглавил министр народного просвещения Александр Цанков, а председателем всего съезда был избран А.А.Кизеветтер. В своем выступлении профессор В.Златарский, столь много сделавший для организации съезда, указывал

Историк, профессор
А.В.Флоровский (Архив РАН.
Ф.1609. Оп.1. Д.186)

на неразрывную связь русской и болгарской науки. Он вспоминал о болгарях, учившихся в России и испытавших на себе внимание, заботу и гостеприимство местного населения. Теперь же, в дни проведения съезда, болгары получили возможность выразить благодарность за то, что им дал русский профессор, русская наука, русская культура⁶⁸. От лица Болгарского исторического общества Златарский пожелал всем эмигрантам, участвующим в съезде, «закончить все свои организационные начинания и свои научные занятия в полном единении и с большим успехом для процветания русской национальной науки и прославления имени вели-

кого русского народа»⁶⁹.

После торжественных речей, приветствий и поздравлений в храме Александра Невского была отслужена панихида по императору Александру II, а затем были возложены цветы к его памятнику и к памятнику Святому Клименту Охридскому. Особенностью съезда стало многообразие

⁶⁶ Протокол №101, София, вторник, 9 сентября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.10–10 гр.

⁶⁷ Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых за рубежом и его значение для единения славянского мира // Русское Зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С.58.

⁶⁸ «Почитаемо собрание...» // НА БАН. Ф.9 к. Оп.2895. Л.1–2.

⁶⁹ «Членам V-го съезда русских зарубежных ученых...» // НА БАН. Ф.9 к. Оп.2895. Л.3.

тематических научных секций: юридической; богословской; истории, литературы, искусства и филологии; исторической; военной; биологической; медицинской; математической; технической; философской; статистической и экономической⁷⁰. Причем доклады делали не только русские, но и болгарские ученые, в то время как на предыдущих съездах иностранцы с научными сообщениями не выступали. Другой особенностью стало большое внимание участников к истории Болгарии и русско-болгарских отношений⁷¹. Например, А.В.Флоровский прочитал развернутый доклад «Основные формы русско-болгарских отношений в XIX веке», сделав основной упор на выдающуюся роль императора Александра II в деле освобождения Балкан от турецкого ига⁷².

Болгарский исследователь С.А.Рожков обоснованно заметил, что конгресс русских ученых в Софии не измерялся только научными докладами, но воплощал в себе «живое взаимодействие культур, личные контакты, общение, духовное сближение и единение»⁷³.

Для русских гостей, многие из которых впервые оказались в Болгарии, организовали экскурсии по стране, которые должны были продемонстрировать единение болгар и русских, показать общность их исторического пути. Поэтому большое внимание уделили памятным местам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так, в Старой Загоре престарелый ветеран произнес столь трогательную речь, что П.Б.Струве и А.А.Кизеветтер расплакались⁷⁴. Сообщая об экскурсии по Болгарии, все тот же А.А.Кизеветтер писал своим родным: «Это было нечто феерическое. В каждом городе на вокзале наш поезд встречался оркестром.

⁷⁰ Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд... С.291–292.

⁷¹ Этой теме были посвящены доклады С.Г.Вилинского («Петко Тодоров как народный поэт»), В.Златарского («Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи»), П.Мутафчиева («Русско-болгарские отношения при Святославе»), А.М.Ону («Граф Николай Павлович Игнатъев и внешняя политика России»), И.Раева («Вековые русско-болгарские языковые и литературные связи») и др.

⁷² Флоровский А.В. Основные формы русско-болгарских отношений в XIX веке // Труды V-го Съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч.I. С.463–485; Трифонова А. Темата за Руско-турската освободителна война (1877–1878 г.) в творчеството на руския историк-емигрант А.В.Флоровски // 135 години по-късно: България – Русия – Евразия. София: Евразийския център VIA EVRASIA, 2013 (в печати).

⁷³ Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых... С.59.

⁷⁴ Рожков С.А. «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения: тезисы докладов. СПб., 2007. С.66–67.

Городской голова говорит речь, я отвечаю, затем длинная процессия ведет нас торжественно по городу, цветами забрасывают. Потом – банкет. И так в каждом городе»⁷⁵. Схожие впечатления сложились и у биолога С.И.Метальникова: «Никак не могу остаться в отеле – все время меня приглашают в гости гостеприимные болгары»⁷⁶.

Все русские констатировали необычайно теплое отношение к себе и высокий уровень организации. В письме на имя В.Вазова председатель Правления Союза русских академических организаций за границей профессор А.С.Ломшаков подчеркивал, что всем участникам съезда запомнилась радушная встреча в Софии: «Глубокие впечатления, полученные всеми членами Съезда от этого приема, навсегда сохранятся в их памяти»⁷⁷. Ему вторило Общее собрание Русской академической группы в Чехословакии. Заслушав 25 октября 1930 г. отчеты о поездке своих делегатов на съезд в Болгарию, оно обратилось с письмом к софийским городским властям, поблагодарив «за радужный и братский прием членов Группы, который останется навсегда для них памятным, как знак тесной дружбы, связующей русский и болгарский народы»⁷⁸.

Важность съезда трудно переоценить. В интервью одной из болгарских газет А.А.Кизеветтер заметил: «Проводя эти съезды в каждой из славянских стран, русские ученые входят в контакт со своими коллегами за рубежом, со славянской культурой, со славянскими народами. Получается одно взаимное познание, взаимное сближение, повышается наше общее славянское самочувствие. На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»⁷⁹. Софийский

Историк, профессор
А.А.Кизеветтер

⁷⁵ Письмо А.А.Кизеветтера родным от 26 сентября 1930 г. // ОР РГБ. Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.42–43.

⁷⁶ Цит. по: Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд... С.292.

⁷⁷ Письмо А.С.Ломшакова кмету Софии, 27 октября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.2.

⁷⁸ Письмо кмету города Софии, 29 октября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.1.

⁷⁹ Цит. по: Рожков С.А. «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс... С.66–67; Его же. Пятый конгресс русских ученых... С.59.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

съезд стал последним в истории Союза русских академических организаций за границей, в последний раз были изданы объединенные труды русских ученых-эмигрантов⁸⁰. После 1930 года русские ученые-эмигранты больше никогда не собирались вместе в широком составе.

* * *

Съезды русских академических организаций за границей занимают совершенно особое место в истории Зарубежной России и ее научной культуре. Они способствовали развитию научных коммуникаций между интеллектуалами-эмигрантами, распыленными по разным странам мира, а кроме того, упрочению их связей с иностранными учеными. По сути, для ученых-эмигрантов эти съезды были единственной возможностью выступить перед широкой русской научной аудиторией, увидеть своих друзей и коллег. Практика проведения съездов хорошо отвечала динамике истории Зарубежной России. В начале 1920-х годов, когда эмиграция еще верила в скорое падение большевизма и свое возвращение на Родину, когда она получала финансовую помощь от иностранных держав, съезды имели широкий размах, они обсуждали не только локальные, но и глобальные вопросы, вроде перестройки школы в будущей России. Но по мере таяния надежд на возвращение домой объединительная активность падала. К концу 1920-х годов ослабла связь с учеными, оставшимися в СССР, резко сократилась финансовая поддержка. В этих условиях эмигрантам приходилось делать выбор: либо продолжать ощущать себя изгнанниками с чувством великой миссии, либо вливаться в научную среду стран, в которых они волею судеб оказались. Выбор был, пожалуй, очевиден. После софийского съезда 1930 года русская эмиграция не предпринимала попыток созвать новый научный форум. А вскоре сошла на нет и деятельность русских академических групп, столь активно заявивших о себе в 1920-е годы.

Конечно, практика деятельности съездов во многом исходила из идеалистических установок ученого сообщества. Тем не менее в 1920-е – 1930-е годы они выполнили чрезвычайно важную объединительную и организационную функцию, способствуя развитию русской науки за границей.

⁸⁰ Труды V Съезда Русских академических организаций за границей. София, 1930. Ч.1–2.